

— Чего же вамъ?

— Всего давай. Самоваръ давай. Рому, пуншу, водки давай...

Опять съ испугомъ посмотрѣла старуха на Прягина и отправилась хлопотать на кухню. Когда она вернулась съ подносомъ, Никодимъ Павловичъ сказалъ:

— Я дуракъ, Захаровна!

— Да что вы, какъ это можно!

— Дуракъ! — крикнулъ Прягинъ.

Прислуживая съ потупленными глазами и заваривая чай, старуха произнесла:

— Не осердились бы вы, батюшка, Никодимъ Павловичъ!

— А что?

— Витязь пропалъ... Съ утра пропалъ. Нигдѣ найти не могли. Кто-то сманилъ, должно быть.

— Даже Витязь! — съ упрёкомъ промолвилъ Никодимъ Павловичъ, глотая крѣпкій пуншъ.

Захаровна остановилась. Ей стало жаль барина, и она сказала:

— Ахъ, Никодимъ Павловичъ! Ну, что въ ей? Ни кожи, ни рожи! Да вы себя такую найдете, что можно сказать смѣло...

— Молчи, Захаровна. Самъ знаю, что дуракъ. Молчи. Прочь!

Оставшись одинъ, онъ долго и много пилъ. Но чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ тяжеле было на душѣ, тѣмъ яснѣе представлялось ему его безсиліе. Онъ тусклымъ взглядомъ смотрѣлъ вокругъ себя. Еще никогда не было такъ мрачно въ его домѣ.

„Нѣтъ, мнѣ это все ненавистно!“ прошепталъ онъ, всталъ, вынулъ изъ письменнаго стола пачку ассигнацій и остановился въ нерѣшительности. „Куда? Туда, гдѣ веселѣе! А гдѣ веселѣе?“

Прягинъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Во мракѣ видѣлялись черныя громады домовъ и церквей, и отъ рѣки вѣяло сыростью.

„Вотъ они-то, гдѣ они теперь? А ужъ далеко! Счастливые, блаженные! Что-жъ, слава Богу!..“

Онъ услышалъ, что къ нему подъѣзжаетъ извозчикъ.

— Въ „Бѣлый ресторанъ“!

Взобравшись на дрожки, Прягинъ успокоился: въ перспективѣ рисовалась ему облегчающая душу выпивка. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ часто прибѣгать къ этому средству.

„Бѣлый ресторанъ“ былъ открытъ до четырехъ часовъ ночи. Онъ бросалъ изъ своихъ зеркальныхъ оконъ широкія полосы свѣта на черную улицу. Войдя въ него, Никодимъ Павловичъ потерялъ руки и выпилъ, одну за другой, нѣсколько маленькихъ